

- дование речи школьников в одном регионе. Омск, 2010; Орлова Н. Указ. соч. Омск, 2010; и др.
- 4 См.: Уфимцева Н. Опыт экспериментального исследования процесса формирования значения // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1981; Она же. Опыт экспериментального исследования развития словесного значения // Психолингвистические проблемы семантики / отв. ред. А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович; Ин-т языкознания АН СССР. М., 1983; Она же. Динамика и вариативность языкового сознания : науч. докл. ... докт. филол. наук. М., 1994; Наумова Т. О развитии значения слова в онтогенезе речи // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики : сб. науч. тр. Калинин, 1983; Кожухова Н. Онтогенез вербальных ассоциативных структур глаголов движения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1991; Рогожников Т. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова. Уфа, 2000; Салихова Э. Моделирование процессов овладения и пользования психологической структурой значения слова при билингвизме : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Уфа, 2007; Плотникова С. Описание фрагмента детского лексикона на основе анализа ассоциативного поля глаголов движения // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности : тр. Уральского психол.-линг. общ-ва. Вып. 9. Психолингвистика в образовании. Екатеринбург, 2011. ; Сдобнова А. Динамические процессы в ассоциативном поле «жизнь» // Вопр. психолингвистики. 2012. № 2 (16); и др.
 - 5 См.: Гуц Е. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. Омск, 2005; Березин Р. Коммуникативно-семантические группы актуального лексикона подростка; Сдобнова А. Жаргонная лексика в лексиконе городских и сельских школьников // Проблемы филологического образования : сб. науч. тр. Вып. 2. Саратов, 2009; Она же. Актуальная компьютерная лексика в ассоциациях школьников // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2010. Т. 10. Вып. 3; и др.
 - 6 См.: Гольдин В., Сдобнова А., Мартянов А. Русский ассоциативный словарь : ассоциативные реакции школьников I–XI классов : в 2 т. Т. I. Саратов, 2011.
 - 7 См.: Береснева Н., Дубровская Л., Овчинникова И. Ассоциации детей от 6 до 10 лет. Пермь, 1995; Овчинникова И., Береснева Н., Дубровская Л., Пенягина Е. Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции). Пермь, 2000; Гуц Е. Ассоциативный словарь подростка. Омск, 2004; Федченко А. Языковое сознание русских и американских подростков (этнокультурный аспект). М., 2006; Галерея ассоциативных портретов / под общ. ред. Т. М. Рогожниковой. Уфа, 2009.
 - 8 См.: Русский ассоциативный словарь : в 2-х томах. Т. I. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М., 2002.
 - 9 Система лексических минимумов современного русского языка / под ред. В. В. Морковкина. М., 2003.
 - 10 Ляшевская О., Шаров С. Новый частотный словарь русской лексики. URL : <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 14.05.12).
 - 11 См.: Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Бульгиной. М., 1999; Лексические минимумы современного русского языка / под ред. В. В. Морковкина. М., 1985; Гнездилова А. Лингвистические и когнитивные аспекты основного лексикона (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2009; Золотова Н. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык. Тверь, 2005; и др.
 - 12 См.: Золотова Н. Указ. соч.
 - 13 См.: Залевская А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики : сб. науч. тр. Калинин, 1981.
 - 14 См.: Соколова Т. Ассоциативный тезаурус ребенка 3–6 лет : науч. докл. ... д-ра филол. наук. М., 1999.
 - 15 См.: Гуц Е. Указ. соч.

УДК 811.161.1'37+811.111'37

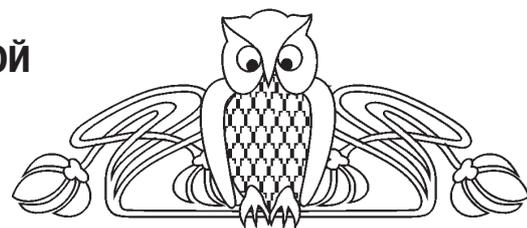
СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «СЕМЬЯ» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ИДИОМАТИКЕ (семантический и когнитивный аспекты)

П. А. Пронин

Саратовский государственный университет
E-mail: prokofij@ya.ru

В статье анализируют основные тенденции в использовании семантического поля «Семья» в формировании идиоматики в русском и английском языке; выявляются когнитивные основы этого процесса.

Ключевые слова: семантическое поле, идиоматика, когнитивная лингвистика.

Semantic Field «Family» in Russian and English Idiom (Semantic and Cognitive Aspects)

P. A. Pronin

In this article the main trends of the usage of the semantic field «family» in the forming of Russian and English idioms are analyzed; cognitive fundamentals of this process are distinguished.

Key words: semantic field, idiomatic system, cognitive linguistics.

Социологи отмечают, что семья (основанное на браке и/или кровнородственных отношениях объединение людей, связанное хозяйственно-бытовой общностью и взаимной ответственностью) – универсальный социальный институт, но ее функции и особенности развития непосредственно связаны с историей и культурой этноса¹. Именно поэтому концепт СЕМЬЯ играет важную роль в любой языковой картине мира, хотя, как подчеркивают исследователи, «все концепты родства национально специфичны»².

Наиболее ярко лингвокультурная специфика концепта проявляется в идиоматике, ориентированной на отражение преимущественно традиционной картины мира³, что проявляется, в частности, в составе и внутренней форме фразеологических единиц (далее ФЕ) русского и английского языков.

В целом семантическое поле «Семья» (далее СПС), ориентируясь на реальные связи, присущие данному социальному институту, формируется на базе таких дифференциальных признаков, как:

- кровное родство – родство по браку / свойство (ср.: *отец – муж – свекор*);
- прямое родство – не прямое / косвенное родство (ср.: *мать – тетя*);
- восходящие ветви и нисходящие ветви (первой, второй, третьей и т. д. степени) родства (ср.: *отец – сын – внук; внук – отец – дед*);
- горизонтальные / боковые линии родства (ср.: *брат – сестра*); гендерная характеристика (ср.: *сын – дочь*).

По данным идеографических, толковых и фразеологических словарей⁴, СПС в русском языке включает 164 лексемы, но в 194 ФЕ используется лишь 40 слов, или 24,4% членов СПС. Весьма показателен состав данных единиц.

Так, наиболее продуктивной группой, образующей ФЕ, являются номинации кровных родственников по прямой линии, причем как по вертикали (ср.: *дед, бабушка, отец, мать, сын, дочь*), так и по горизонтали (ср.: *брат, сестра*). Высокая степень продуктивности этих групп проявляется также в использовании синонимов, диминутивов (ср.: *дедушка, дедка, дочка, сыночек, внучек, братец*). Но наибольшее число таких вариантов фиксируется при обозначении социального и эмоционального ядра любой семьи – отца и матери (ср.: *батяшка, батюшка – матушка, матка*).

Показательно, что прямые кровные родственники представлены тремя основными ступенями (ср.: *дед – внук; отец – сын*), тогда как другие поколения родственников в ФЕ фиксируются спорадически, причем в обобщенном значении ‘предок’ (*прадед*). Например: *Мамыны сыночек (сынок); Поперед батьки в пекло лезть; Внучка (дочь) Евы; Бабушкины сказки; Отцы и деды; Дочки-матери; Правда-матка*.

Группа «Косвенное кровное родство» в русских ФЕ представлена всеми ядерными единицами (ср.: *дядя, тетя, племянник, племянница*), но

в отличие от номинаций прямого родства здесь словообразовательные синонимические варианты (прежде всего – диминутивы) фиксируются только при именовании мужчин по восходящей ветви (ср.: *дядюшка, дядька*). Например: *Американский дядюшка; В огороде бузина, а в Киеве дядька; Голод не тетя*.

Значительно менее активно в процесс идиоматизации включается лексика, характеризующая родство по браку / свойству, причем здесь также отмечаются определенные специфические свойства.

Так, в русских ФЕ обнаруживаются в основном номинации лиц, состоящих в браке: терминологические обозначения *муж, жена* и метафорическое (шутливо-разговорное) *половина*, тогда как среди свойственников отмечены только *теща* ‘мать жены’, *невестка* ‘жена брата или сына, а также замужняя женщина по отношению к братьям и сестрам ее мужа’ и *сват* ‘отец одного из супругов по отношению к родственникам другого супруга’. Например: *Муж и жена – одна сатана; Дражайшая половина; К теще на блины; Невестке в отместку*.

В составе русской идиоматики можно обнаружить членов еще одной группы – «Участники семейных обрядов» – брачного (ср.: *суженый* ‘жених’, *невеста* ‘лицо женского пола, вступающее в брак’, *сват* ‘человек, который сватает’) или крещения (ср.: *кум* ‘крестный отец по отношению к родителям крестника’).

Наконец, в процесс идиоматизации вовлекаются номинации лиц, не имеющих семьи или лишившиеся членов семьи в результате смерти последних. Характерно, что это только наименования первого младшего поколения – *сирота*, а также один из супругов (*вдовец, вдова, вдовица*). Например: *Христовая невеста; Суженый-ряженный; Соломенная вдова*.

Практически абсолютное число номинаций кровных и некровных родственников / свойственников в составе русских ФЕ дифференцировано по гендерному признаку (ср.: *мать, отец, сын, дочь, дядя, тетя, сват*), причем число единиц, называющих лиц мужского пола, примерно в полтора раза больше, чем женского. Обобщенные наименования фиксируются обычно по отношению к членам нуклеарной семьи, а также по отношению к предкам в традиционной семье. Например: *Отправит к праотцам; Поминать своих родителей за чужим кануном; Хамовы дети*.

Степень продуктивности использования членов СПС в составе идиоматики проявляется также в том, насколько регулярно формируются ФЕ с данными членами.

Наиболее активными в этом отношении оказываются ядерные терминологические обозначения прямых кровных родственников – мужчин, связывающих родителя и его ребенка (ср.: *отец* – 26 ФЕ; *сын* – 18 ФЕ), а также ребенка по отношению к другому ребенку в том же поколе-

нии (ср.: *брат* – 29 ФЕ). Несколько ниже процент использования наименования родительницы, а также ребенка женского пола по отношению к другому ребенку тех же родителей (ср.: *мать* – 15 ФЕ; *сестра* – 13 ФЕ).

В целом, несмотря на то что, по данным социологов и культурологов, в современном российском обществе, как и во всем западном мире, ведущей является нуклеарная семья (муж, жена, дети, проживающие вместе)⁵, в идиоматике отражена система семейных отношений, занимающая среднее положение между нуклеарной и малой патриархальной. Это проявляется, например, в том, что кровные связи по вертикали оказываются значительно более значимыми (165 ФЕ, или 85,05%), нежели брачные связи супругов (18 ФЕ, или 9,28%).

Частотность других членов поля не превышает четырех ФЕ, причем две трети лексем из СПС фиксируются в составе фразеологизмов не более одного-двух раз.

Таким образом, анализ внутренней формы русских ФЕ свидетельствует о том, что для носителей языка семья представляет собой ячейку общества, ядро которой составляют члены нуклеарной семьи, причем связи родителей – детей оказываются более значимыми, нежели связи супругов. Значительно менее концептуально значимыми оказываются связи кровных родственников не по прямой линии. Еще в большей степени это относится к различного рода свойственникам.

Вместе с тем русская СЕМЬЯ (по данным идиоматики) достаточно патриархальна. Это проявляется не только в том, что в нуклеарной семье кровное родство играет большую роль по сравнению с брачным союзом, но и в том, что номинации родственников мужского пола используются значительно чаще, чем женского (ср.: *брат* – 29 ФЕ, *сестра* – 13 ФЕ).

Причиной этого, на наш взгляд, является то, что в российском обществе до настоящего времени в известной степени сохраняется установившийся с древнейших времен патриархальный уклад – с главенством мужчины в доме. Издревле мужчины несли ответственность за благополучие членов своего племени и семьи: добывали еду, защищали от врагов, возводили поселения, правили государствами. Это обусловило их привилегированное положение и в семейной иерархии.

Кроме того, патриархальность русского концепта СЕМЬЯ проявляется также в том, что он в большей степени ориентирован на прошлое, поскольку в целом номинаций родственников старшего поколения, то есть предков, больше, нежели номинаций поколения младшего, особенно второго поколения (ср.: *дед* (*дедушка*) – 11 ФЕ; *бабушка* – 4 ФЕ; *внучка* – 2 ФЕ; *внук* – 1 ФЕ).

Наконец, анализ внутренней формы русских фразеологизмов явно указывает на то, что носители русского языка предпочитают употреблять основные терминологические обозначения членов

семьи. Синонимические варианты (преимущественно словообразовательные и/или диминутивы) фиксируются исключительно в составе ядерной части СПС (нуклеарный тип), подчеркивая не только то, что именно связь родителей с детьми, а также детей между собой представляется наиболее значимой, но и то, что именно эти связи оказываются наиболее близкими в эмоционально-личностном отношении.

В английском языке, неблизкородственном русскому в генетическом и этнокультурном отношении, состав фразеологического корпуса с членами СПС во внутренней форме (согласно лексикографическим данным⁶) обнаруживает как сходные, так и специфические черты.

Число членов английского СПС составляет 50 лексем, то есть почти в три раза меньше, чем соответствующего русского поля. Данный факт можно объяснить разными причинами.

С одной стороны, словообразовательная система английского языка менее развита по сравнению с русской, поэтому словообразовательных синонимов (например, с диминутивными аффиксами) здесь не фиксируется.

С другой стороны, в английском СПС, в отличие от русского, практически треть единиц (14 из 50) – аффиксальные дериваты членов СПС (ср.: *mother* → *grandmother*, *son* → *grandson*, *father* → *grandfather* → *great-grandfather*) или производные фразеологизмы (ср.: *brother-in-law*, *mother-in-law*).

Как и в русском языке, члены СПС активно участвуют в идиоматизации, причем число таких ФЕ несколько выше – 212 единиц (ср. в русском – 194).

Большей продуктивностью отмечено и использование конкретных членов СПС в процессе идиоматизации – 42% единиц поля (ср. в русском – 24,4%), хотя и здесь степень частотности употребления отдельных групп и подгрупп СПС в этом процессе разная.

Так, обращает на себя внимание тот факт, что абсолютное и относительное число ФЕ с обобщенными номинациями родственников (*семья*, *семейство* – *family*) в английском языке значительно больше (29 ФЕ, или 13,68%; ср.: *A man of no family* ‘человек без рода, без племени’; *Family circle* ‘семейный круг’), чем в русском (4 ФЕ, или 2,06%), что свидетельствует о большей, в частности, концептуальной, значимости этого феномена в английской фразеологической картине мира по сравнению с русской.

Но общим для исследуемых фразеологических корпусов является абсолютное преобладание ФЕ с терминами кровного родства (около 80%), внутри этой группы – с терминами прямого родства, хотя в английском языке относительное число таких ФЕ несколько меньше (ср.: 142 ФЕ, или 66,98%).

Показательно, что в английском языке, как и в русском, наиболее активны при идиоматизации термины прямых родственников по вертикали, но

в английской идиоматике более явно преобладает нуклеарное представление о семье. В частности, в ФЕ используются почти исключительно термины первого старшего и первого младшего поколений (ср.: *father* – 34 ФЕ; *mother* – 18 ФЕ; *son* – 19 ФЕ; *daughter* – 14 ФЕ), тогда как второе старшее поколение (*grandmother*) представлено лишь одним ФЕ.

Члены подгрупп «Третье старшее поколение (прадеды)» и «Второе младшее поколение (внуки)» в английской идиоматике, в отличие от русской, не зафиксированы совсем. Например: *the Father of the city* ‘олдермен Лондона’; *The daughter of Jezebel* ‘преступная, наглая женщина’; *Son of a bitch* ‘мерзавец’; *Mother Bunch* ‘гадалка’.

Это же концептуальное свойство проявляется в группе «Родственники по браку». Как и в русском языке, в английском активно используются только члены подгруппы «Супруги» (*husband, wife*), причем их продуктивность практически одинакова в исследуемых языках, тогда как членов подгруппы «Свойственники» во фразеологизмах носители английского языка не употребляют. Например: *An old wife* ‘кумушка, сплетница’; *Bachelor's wife* ‘мечта холостяка’; *Husband's tea* ‘слабый, холодный чай’.

Вместе с тем практически в три раза выше в английской идиоматике продуктивность членов подгруппы «Непрямое кровное родство» (11,79% – в английском, 4,12% – в русском). Показательно, что предпочтение отдается номинациям старшего поколения. Например, *aunt* – 8 ФЕ, *uncle* – 8 ФЕ; ср.: *If my aunt had been a man, she'd had been my uncle* ‘если бы да кабы’; *One's uncle's* ‘лавка ростовщика’.

Не отличаются продуктивностью в образовании ФЕ члены подгруппы «Свойственники». Этот факт можно связать с проявлением меньшего интереса носителей английского языка к отношениям, возникающим между семьями брачующихся, чем, скажем, у представителей русской лингвокультуры (в русской культуре, как известно, существуют определенные личностные стереотипы некоторых членов семьи (теща, невестка, сноха), не изменяющиеся на протяжении многих лет).

Носители английского языка, формируя ФЕ, также проявляют избирательность не только в выборе тематической группы лексемы, являющейся членом ФЕ, но и конкретной единицы в группе.

К числу наиболее частотных английских единиц в составе номинаций кровных родственников, как и в русском языке, относятся ядерные термины нуклеарной семьи, что указывает на сходство концептуальных картин мира в сознании русского и английского этносов.

Вместе с тем особый интерес представляют лексемы, ранг которых в исследуемых корпусах ФЕ сильно различается.

Так, в английской идиоматике среди номинаций лиц одного поколения по отношению друг к

другу продуктивностью отмечены не только номинации кровных родственников (*brother, sister*), но и некровных родственников (*cousin*). В то же время лишь единичным примером представлено использование младшего члена семьи, лишенного родителей (*orphan*). Например: *A sob sister* ‘репортер, пишущий душеспитательные статьи’; *A weak sister* ‘маменькин сынок’; *Big brother* ‘более крупная компания, сильный конкурент’; *Brother in arms* ‘боевой товарищ’; *Orphan's court* ‘суд по делам о наследстве и опеке’.

Интересно, что в английской идиоматике еще в большей степени, чем в русской, прослеживается культ отца семейства (по сравнению с матерью). Так, представленность лексемы *father* в роли компонента ФЕ (30 единиц) практически в два раза выше, чем *mother* (ср.: *Father Christmas*; *Father Knickerbocker*; *The Father of English poetry*; *The Father of Rivers*). Это тем более показательно, что в целом в гендерном отношении той «дискриминации» представительниц женской части семьи, что отмечалась в русской идиоматике, в английском фразеологическом корпусе не фиксируется.

Использование лексемы *son* всего на несколько единиц опережает *daughter*, а *sister* даже частотнее *brother* (ср. в русском языке *брат* – одна из наиболее концептуально значимых в идиоматике в целом).

Примерно с одинаковой частотой представлены в ФЕ лексемы *aunt* и *uncle*. Например: *Aunt Jane*; *My (giddy / sainted) aunt!*; *Cry / say uncle*; *Talk to somebody like a Dutch uncle*.

Возможно, это связано в какой-то степени с более длительной (по сравнению с Россией) борьбой английских женщин за равноправие. Но представляется, что скорее всего определенные концептуальные признаки представительниц женской части семьи оказываются более востребованными при формировании ФЕ.

В целом различная избирательность отдельных членов СПС в анализируемых фразеологических корпусах (ср. отсутствие в английской идиоматике ФЕ с лексемой *grandson* ‘внук’) свидетельствует о том, что в концептуальной картине мира русского и английского этносов они и связанные с ними концептуальные коннотации играют разную роль, что отражается, в частности, в тех семантических (и концептуальных) преобразованиях, что происходят с терминами родства в составе ФЕ.

Тем более важным представляется тот факт, что в обоих языках наиболее востребованными и, следовательно, концептуально значимыми являются номинации ближайших кровных родственников нуаклеарной семьи, причем преимущественно мужского пола.

Примечания

¹ См.: Капитонов Э. Социология XX века. Ростов н/Д, 2006.

- 2 Мерзжоева З. Концепты родства в молодежном языковом сознании русских и ингушей : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2009. С. 5.
- 3 См.: Алефиренко Н. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М., 2008. С. 23 ; Телия В. Русская фразеология. М., 1996. С. 214.
- 4 См.: Алефиренко Н., Золотых Л. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. М., 2008 ; Бирих А. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М., 2005 ; Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. д-р филол. наук В. Н. Телия. М., 2006 ; Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М. ; Вена, 2004 ; Русский семантический словарь : в 4 т. / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1998–2007 ; Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М., 2007 ; Словарь русского языка : в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999 ; Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М., 1978 ; Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2-х т. / под ред. А. Н. Тихонова. М., 2004.
- 5 См.: Балясникова Е. Гиперконцепт СЕМЬЯ/ДОМ – FAMILY/HOME в русской и английской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. С. 8.
- 6 См.: Caseell's Dictionary of English Idioms. RFS, 2002 ; Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge University Press, 1998 ; English Idioms in Use. Cambridge University Press, 2002 ; Oxford Dictionary of Idioms. 1998 ; Алехина А. Идиоматичный английский. М., 1982 ; Кушин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1967.

УДК 811.133.1'272+811.153.2'272

ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЫ НИЖНЕЙ БРЕТАНИ

А. С. Бухонкина

Волгоградский государственный университет
E-mail: bukanna@inbox.ru

В статье анализируются факторы, способствующие вытеснению бретонского языка и изменению коммуникативной ситуации в Нижней Бретани в XIX–XX вв. Описываются принципы языковой политики Франции, формы и последствия введения всеобщего школьного образования, а также значение мировых войн для унификации коммуникативного пространства региона.

Ключевые слова: языковая политика, коммуникативная ситуация, мажоритарные и миноритарные языки, бретонский язык, французский язык

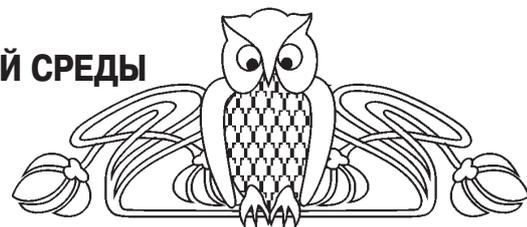
Evolution Factors of the Communicative Sphere in Lower Brittany

A. S. Bukhonkina

In this article the factors promoting the replacement of the Breton language and the change of a communicative situation in Lower Brittany in the XIX–XXth centuries are analyzed. The principles of language policy of France, forms and consequences of the introduction of general school education, as well as the importance of the world wars for the unification of the communicative space of the region are described.

Key words: language policy, communicative situation, majority and minority languages, the Breton language, French.

Языковая политика Франции в последние три столетия была направлена в основном на вытеснение миноритарных языков из коммуникативного пространства регионов с целью укрепления позиций французского языка как единственного средства общения, объединяющего всю нацию. Бретань не явилась исключением: принципы языковой унификации, начавшейся после революции

1789 г. и усилившейся в начале XX в., в Бретани насаждались последовательно и жестко, как ни в каком другом французском регионе.

Интерес научного сообщества к изучению францизации аллолотных французских регионов подтверждают многочисленные работы историков, социологов, лингвистов¹. В большей их части отмечается, что в начале XX в. на фоне усиления общегосударственной политики францизации серьезными факторами, способствующими смене основного языка общения в Бретани с бретонского на французский, явились повсеместное обучение бретонских детей в школах с французским языком и массовый призыв бретонских мужчин на службу во французскую армию.

После 1789 г. универсализация школьного образования на французском языке стала одной из доминирующих идеологических установок французских властей. По мнению идеологов того времени, французский язык должен был стать одной из «скреп» общества, разделенного по лингвистическому принципу. Согласно этой позиции одним из главных барьеров на пути к лингвистическому объединению нации выступали языки автохтонного населения ряда регионов, в частности языки Бретани. Неслучайно одним из первых указов нового времени стал декрет Бертра на Барера, предписывающий назначение учителя французского языка в каждую коммуну нефранкоговорящих департаментов. Должность учителя была названа в то время *instituteur*, так как он был призван «собирать воедино, образовывать» нацию